

УДК 808.2-3
ББК Ш141.2-3

РУССКАЯ НАРОДНАЯ ЛЕКСИКА, ХАРАКТЕРИЗУЮЩАЯ ЧЕЛОВЕКА ПО СКЛОННОСТИ К ОБЩЕНИЮ: ОБЩЕНИЕ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ РЕЧЕВОГО ПОВЕДЕНИЯ ¹

Т.В. Леонтьева

В статье представлены результаты мотивационного анализа диалектных обозначений общительного и необщительного человека, фиксирующих устойчивую взаимосвязь между речевой деятельностью и коммуникативностью как чертой характера. На основании установленных мотивационных закономерностей предлагаются интерпретации некоторых «непрозрачных» с точки зрения внутренней формы слов.

Ключевые слова: этнолингвистика, мотивационный анализ, русские народные говоры, общительность, нелюдимость, речевое поведение.

Мотивационный анализ лексики русских народных говоров с опорой на данные словарей показывает, что общительность предстает в языке как умение быть частью коллектива (арх. *дру́жный* 'общительный, компанейский' [28, вып. 8, с. 218]), как признак принадлежности к группе, к «своим» (арх. *сво́й-ча́тый* 'обходительный, общительный, разговорчивый' [там же, вып. 36, с. 319]), как благожелательность (пск., твер. *люби́мый* 'общительный, умеющий ладить с людьми' [там же, вып. 17, с. 235]), как способность найти подход к человеку, установить контакт (ряз. *лазу́шный* 'ласковый, общительный, располагающий к себе' [28, вып. 16, с. 247]) и др. Необщительность же репрезентирована как исключенность из коллектива людей (том. *чужева́тый* 'не очень общительный, несколько замкнутый' [25, т. 5, с. 305]), как домоседство (арх. *доможи́риха* 'необщительная, угрюмая женщина' [19, т. 3, с. 250]), как затворничество (*кону́рник, кану́рник, кану́рница* 'кто прячется, сидит в кануре, дома; нелюдим, домосед' [6, т. II, с. 86]), как свойство характера или образ жизни, сближающие человека с домовой

нечистью (простореч. *бу́ка* 'угрюмый человек, нелюдим' [31, т. 1, с. 675]) и т. д.

Кроме того, носитель народной культуры закономерно «диагностирует» общительность либо замкнутость человека по его речевому поведению, поскольку общение в значительной мере строится на использовании вербальных средств. Задача данной статьи – представить результаты ономастического анализа тех диалектных и общенародных обозначений общительного и необщительного человека, которые фиксируют очевидную для номинатора связь между речью и общением.

Общительность репрезентируется в лексическом материале как словоохотливость и вербально выраженная благожелательность. Слова, в значениях которых сочетаются семы 'разговорчивый' и 'приветливый', представляют собой не только речевую, но и социально-личностную характеристику человека, в то время как во внутренней форме зафиксирована лишь активность речевых проявлений: оренб. *ба́йчивый* 'словоохотливый, разговорчивый, приветливый' [28, вып. 2, с. 57] (от *баять*), костром., яросл. *бахорливый* 'разговорчивый или приветливый' [там же, вып. 28, с. 156] (от *бахорить* 'говорить' [там же]). Производящие глаголы **bajati*, **baxoriti*

являются расширениями основы **ba-* [35, т. 1, с. 135, 138].

В понятии «приветливость» находит отражение сочетание вербальной основы взаимодействия с эмоциональной отзывчивостью. Корень *вет-* (*vit-*)² ‘говорить, изрекать’, в словах литературного языка сочетающийся с приставками и образующий единицы лексико-семантической группы «Говорение» (*завещать, завет, завещание, привет, привечать, навет, навещать*), в русских народных говорах обнаруживается в бесприставочных дериватах: пск., смол., калуж., калин. *вѣтлый* и брян. *вѣтный* ‘приветливый, ласковый; милый; общительный’, орл., курск., ворон., тамб., пенз. *вѣтливый* ‘учтивый, приветливый’, перм., тобол. *ветля́ный* ‘общительный, жизнерадостный’ [28, вып. 4, с. 194–197]. Префикс со значением совместности действия присутствует в волог. *совѣтный* ‘незамкнутый, общительный’, яросл. *совѣтливый* и *советля́ный* ‘приветливый, обходительный’ и ‘разговорчивый, общительный’ [там же, вып. 39, с. 184–186]. Отметим различия в значениях, которые приобрело сочетание этой приставки и корня в русском литературном языке, где оно служит обозначением наставления, обмена мнениями, совместного обсуждения какого-либо вопроса, и в диалектах, где оно называет черту характера – готовность к контактированию с окружающими.

В сочетании с приставкой *со-* рассматриваемый корень дает также лексему, характеризующую человека, необщительного вследствие застенчивости, но не составляющую антонимической пары обозначением общительного человека, поскольку противоположное значение появляется у него при отсутствии отрицательной частицы: яросл. *советля́ный* ‘скромный, застенчивый’ [там же, с. 185]. Это объясняется, вероятно, наличием у данной основы значения ‘соглашаться, ладить’, ср. диал. *совѣтный* ‘дружный, согласный’ (*Лавочник у нас смирный, советный*), *совѣтность* ‘согласие, дружба, лад’ [там же] и литер. устар. *совет* ‘дружные, согласные отношения между кем-либо’ (*Совет да любовь; Только бы в совете жить*) [29, т. IV, с. 175]. В этом случае *советля́ный* следует понимать как «сговорчивый, согласный». Немногословность, нежелание поддерживать

разговор запечатлены и в диал. (без указ. места) *безотвѣтливый* ‘нелюдимый, неразговорчивый’ [28, вып. 2, с. 196].

При формировании лексики, характеризующей человека как необщительного, донорскую функцию закономерно выполняют глаголы говорения с отрицанием: свердл., арх., карел. *неразговóрный* ‘необщительный, молчаливый’ [там же, вып. 21, с. 139], костром. *неба́нный* ‘неразговорчивый, необщительный человек’ и пенз. *небасли́вый* ‘неразговорчивый, молчаливый; необщительный, угрюмый’ [там же, вып. 20, с. 315]. Необщительность связывается носителем языка со скупостью речевых проявлений либо молчанием: волгоград. *жить молчако́м* ‘быть нелюдимым, ни с кем не общаться’ [20, вып. 2, с. 157], забайкал. *смолчо́к* ‘тихий, замкнутый, вызывающий недоверие человек’ [28, вып. 39, с. 32]. Этот смысл передается и образно, если считать знаком молчания сомкнутые губы: новг. *пригубина* ‘скрытный, замкнутый человек’ [там же, вып. 31, с. 180].

Совмещение прямого и переносного значений, общность семантической структуры, происхождения обнаруживают такие единицы диалектной речи, как свердл. *не́мка* ‘нелюдимый, замкнутый человек’ и ср.-урал. *немота́, немта́* ‘молчаливый, замкнутый человек’ [28, вып. 21, с. 81, 85, 87], волгоград. *немоты́рь* ‘неразговорчивый, молчаливый, замкнутый человек’ [20, вып. 3, с. 484], волог. *ку́йм* ‘о нелюдимом, очень застенчивом человеке’ [28, вып. 16, с. 29] (ср. диал. *ку́йм* ‘глухонемой человек’, ‘косноязычный человек’, ‘заика’, ‘молчаливый человек’ [там же]). Являясь синонимами, они имеют один и тот же корень. Праслав. **kujъtъ*, образованное сложением местоименной экспрессивной приставки *ku-* (с пейоративным оттенком) и корня глагола **jъtq, jęti*, интерпретируется как ‘невнятный, плохопонятный’ [35, вып. 13, с. 86]. В свою очередь **nĕtъ*, по версии Микколы, представляет собой результат преобразования сочетания **ne + -etъ/-jъtъ* [там же].

Сходство с рассмотренными словами имеет волог. *бута́йм, бутóйм, буту́йм* ‘нелюдимый, угрюмый человек’ (*Кто сердится друг на дружку и не заговорит, тот и бутайм; Сидит как бутойм, ничё не говорит, чё видит, не скажет, чё думат, не скажет,*

бутоим и есть; Ой ты, скажем, бутуим невоспитанной) [19, т. 1, с. 230–233]. Применительно к отражению в языке речевых характеристик нелюдимого человека отметим, что слово *бутуим* бытует в севернорусских говорах прежде всего как обозначение человека, не способного говорить: волог. *бутойм, бутойм* ‘немой’ [там же]. Слово неясное, требующее специального рассмотрения, оценки возможности его интерпретации в вариантах *бут-а-им* (контаминация двух корней) и *бу-та-им* (сложение архаичного префикса *бу-*, инфикса *та-/то-/ту-* и корня *-им-*).

В первом случае предполагается контаминация широко распространенной в русских говорах лексемы *бутуз* (*бутус, бутыс, бутыш, бутас*) и диалектного слова *куим*, которые имеют значение ‘необщительный человек’, ср. перекрестные ссылки на эти лексемы в речи информанта: *Бутуим-от, как куим, разговаривать умеет, а ничего не разговаривает. Бутыс такой сердитый, ничего не говорит, бутуим* [19, т. 1, с. 231].

Вторая интерпретация связана с сочетанием архаичной приставки *бу-* (слова с такими префиксами обычно имеют экспрессивный характер с пейоративным оттенком [14, с. 37]), инфикса *та-/то-/ту-* (полно представлено варьирование вставных элементов) и корня *-им-*. Такая структура в словообразовательном отношении близка другим приставочным образованиям с корнем *-им-*, ср. *бутаим, куим, немой*. На наш взгляд, здесь сомнительна возможность исключения инфикса без потери смысла (нет фиксации **буим* ‘немой’), в то время как в подобных случаях принято опираться на сосуществование слов с инфиксом и без него, ср. диал. *втутолмить* и *втолмить* ‘научить’; *затаиливать* ‘заносить илом’ и *заилеть* ‘покрыться илом, обмельеть из-за заноса ила’; *растомаха* ‘неряшливый, неаккуратный человек’ и *размахоля* ‘небрежный, нерадивый в делах человек, разгильдяй; небрежно и неряшливо одетый или непричесанный, лохматый человек’ [15, с. 33–35]. Однако в случаях, когда такого соответствия не наблюдается, нередко у слова обнаруживаются эквиваленты без инфикса с другими приставками; так, орл. *растагарить* ‘разжечь’ сравнивают с болг. диал. *нъгаръм* ‘нагревать, накалять’ и арх. (перен.) *угарить*

‘взорить, бестолково браниться, ссориться’ [15, с. 33–35]. Таким образом, можно говорить о словообразовательной модели, реализованной в словах *немой, куим, бутаим*.

Сложность обоснования изложенных версий³ обусловлена узким ареалом слов *бутаим, бутуим, бутуим* (Верховажский район Вологодской области), что может указывать на маргинальность либо архаичность этих языковых фактов. Вне зависимости от истории происхождения рассматриваемых слов их значения, отраженные в словаре (‘немой’ и ‘нелюдимый человек’), свидетельствуют в пользу сходства данных лексических единиц со словами *немой* и *куим*, общим для которых является семантический перенос ‘не говорящий, косноязычный’ → ‘необщительный’.

Представления номинатора о немногословности замкнутых людей делают закономерным его обращение к звукоподражательным основам, передающим невнятную речь либо ворчание. Так, свердл. *кыра* и *кырга* ‘нелюдимый, угрюмый и скупой человек’ [26, т. 2, с. 81] следует отнести к ономотопеям, продолжающим праслав. **kьrkŋoti*, производное от **kьrkati* [35, вып. 13, с. 215], ср. перм. *кырпуть* ‘ворчать’ [28, вып. 16, с. 202], сибир. *кыркать* ‘кричать, бранить’ [7, с. 97], олон. *кырнуть* ‘каркнуть, издать звук, вставить в общий разговор замечание’ [9, с. 47], свердл. *кыркать* ‘кашлять’ [26, т. 2, с. 81], коми-перм. *кырскасть* ‘хрустеть’ [24, с. 134], читин. *бабушка кыра* ‘ворчливая, сварливая’ (*В ичишках пляшешь: шир-шир, никакого стуку не слышно, а эта бабушка Кыра все ворчит. Чё скажешь, глядишь: опять натутурилась, заест, ну чисто бабушка Кыра*) [13, с. 9].

В обозначениях нелюдимого человека активны звукокомплексы с повтором [р] и [м]. К ним следует отнести слова с корнем *мымр-/мумр-*⁴, обозначающие нелюдима, поскольку праслав. **mymra* считается производным от имитатива **mymrēti/*mymriti/*mymrati* [35, вып. 21, с. 42] (ср. синонимичные им **mumrati/*mumriti* [там же, с. 43] с вариантным вокализмом): ставроп. *мумыря* ‘неразговорчивый, нелюдимый человек’ [28, вып. 18, с. 345], диал. [без указ. места] *мумра* и *мымра* ‘домосед’ [6, т. II, с. 366], твер. *мумра* ‘домосед’ [7, с. 119], новг. *мымрик* ‘молчун, застенчивый человек’ (*У него сын был настоящий мым-*

рик) [10, т. 5, с. 115], ср. пск., твер. *замы́рится* ‘сделаться угрюмым, домоседом, нелюдимым’ [28, вып. 10, с. 270]. Сема ‘необщительный’ имплицативно присутствует в обозначениях угрюмого, мрачного, невеселого человека, несмотря на то, что нелюдимость как черта характера остается не названной в словарной дефиниции: простореч. бран. *мы́мра* ‘об угрюмой, неразговорчивой, скучной женщине’ [18, вып. 2, с. 317], *мы́мра* (обл., презрит.) ‘угрюмый, скучный человек’ [33, т. II, с. 288], орл. *мы́мря* ‘об угрюмом, неразговорчивом человеке’ (*Он такой мы́мря, ни рьзгьварисси с ним*) [22, вып. 6, с. 160], рост. *мы́мря* ‘угрюмый человек’ (*Такая мы́мря всю жызынь ходить ни улыбаица*) [3, с. 292], калин. *мы́мра* ‘угрюмый, скучный человек’ [12, с. 131], орл. *му́мыра, му́мыря* ‘о молчаливом, угрюмом человеке’ (*Я ни му́мыря какая стаяла, и спеть, и спливать луччи всех магла*) [22, вып. 6, с. 156], пск., твер., калин. *мы́мра* ‘угрюмый, скучный человек’ [28, вып. 19, с. 57], пск. *мы́мра* ‘угрюмый, скучный человек’ (*Сидит, як мы́мра*) [16, вып. 19, с. 129], твер. *му́мра* ‘о невеселом, грустном человеке’ (*Ну что ходишь как му́мра, невеселый, голову повесивши*) [18, вып. 3, с. 311], коми-перм. *му́мра* ‘невеселый, портящий всем настроение человек’ (*Сидит – му́мра, смотреть вовсе на его неохота*) [24, с. 152], пск., твер. *мы́мра* ‘человек угрюмого вида, невеселый’ [7, с. 120], новосиб. *мы́мрить* ‘хныкать’ [25, т. 2, с. 307], смол. *замы́рится* ‘надуться, закапризничать’ [30, вып. 4, с. 93].

К этому же этимологическому гнезду принадлежит, вероятно, смол. *мурму́ль* ‘угрюмый, малообщительный человек’ (*Ен мурму́ль: ни табе пьшутить, ни табе пьсмиаица*) [там же, вып. 11, с. 257], в котором представлен вариант корня, более близкий к исходному общеслав. **търмати / *търмити*, появившемуся от экспрессивного редуплицированного глагола **тър-т(r)ати* (предполагается, что в результате корневого удлинения и диссимилиации он мог измениться в **ту(r)мрати, тумрати*) [35, вып. 21, с. 42]. Первоначальный вариант корня – **търт-* – представлен в обозначениях замкнутых людей единичными фактами, ср. белорус. *мурмэль* (экспр.) ‘молчаливый, неразговорчивый человек’ [37, т. 3, с. 85]. Преимущество в эксплуатации этого

варианта корня закреплено за значениями, связанными с недовольным или невнятным говорением: пск., твер. *мормотэнь* ‘о том, кто говорит неясно, неразборчиво’ [28, вып. 18, с. 268], белорус. *мормыль* ‘воркунь, брюзга’ [11, т. 1, с. 290], белорус. *мормылэкь* ‘говорится о капризном ребенке; упрямец’ [там же], болг. *мърморко* ‘ворчун’ [2, с. 399], с.-хорв. диал. *мрма* ‘молчун, неразговорчивый человек’, словц. *mrtaaj* ‘ворчливый, угрюмый человек’, словин. *търмот* ‘неразговорчивый человек, ворчун’ [35, вып. 20, с. 250–251] и др. Опосредованно они также связаны с образом необщительного человека и его речевыми характеристиками.

Образованиями звукоизобразительного характера являются также слова с повторяющимся звуком [м]. Так, карел. *мо́мот* ‘нелюдимый, угрюмый, неприветливый человек’ соотносимо, вероятно, со звукоподражательным глаголом **tomotati*, ср. словен. *tomotáti* и *tumotati*, чеш. *tomtati*, н.-луж. *tomotaś*, ст.-польск. *tomotać*, польск. диал. *tomotać* и *tamotać*, укр. *момотати* ‘неясно произносить, бормотать’ [35, вып. 19, с. 208], ср. также укр. *мо́мот* ‘заика, бормотун’ [5, т. 2, с. 443]. Укажем, однако, на карельские лексемы, также имеющие звукоподражательный характер: *tömmötteä* ‘ворчать, рычать (о медведе)’, ‘лепетать (о ребенке)’, ‘бормотать, ворчать’ [36, т. III, с. 434], *tömmötys* ‘мычание (о быке)’ [там же]. Ср. также в языке коми – *мо́мот* ‘глуповатый, придурковатый, ограниченный, недалекий человек; болван, остолоп, глупец’ и ‘мямля’ [1, с. 398]. Возможно, звукоподражательное сочетание с повтором губно-губного имеет типологический характер. Ср. тот же звук в нижегор. *ми́мика* ‘о молчаливом, нелюдимом человеке’ [28, вып. 18, с. 165], твер., пск. *мамóня* ‘угрюмый, малообщительный человек’ [там же, вып. 17, с. 352] (ср. иван.-вознес. *мамóнить* ‘болтать; ворчать’ [там же], орл. *мамы́ка* ‘человек с дефектом речи’ [там же, с. 354]).

Наконец, обратим внимание на обозначения домовых, которые нередко становятся обозначениями необщительных людей, ср. вят. *кикíморка* ‘по суеверным представлениям – мифическое существо – кикимора’ и ‘нелюдим, домосед’ [там же, вып. 13, с. 205], арх. *бо́мка* ‘мифическое существо, которым

пугают детей; бука, страшилище', 'домовой' и 'угрюмый, нелюдимый человек' [19, т. 1, с. 147], карел. *жировик* и *жировик* 'в северных представлениях: злой дух, обитающий в жилище человека, бане, хлеву, домовой' и 'домосед, нелюдимый человек' [23, вып. 2, с. 65], арх. *жихоня* 'мифическое существо, злой дух (черт и т. п.), домовой' и 'нелюдимый, необщительный человек' [19, т. 3, с. 378] и др. Среди лексем, называющих домовых, обнаруживаются слова, которые первоначально имели звукоподражательный характер, поскольку речь и вообще звуковые формы поведения – одно из самых выразительных средств характеристики нечистой силы, поскольку через звуки различного типа (шум, шорох, топот, треск, стук, смех, бормотание и др.) человек опознает ее присутствие ночью, в темноте (об акустических стереотипах поведения нечисти и о слуховых впечатлениях как средстве идентификации мифических существ см.: [4, с. 197]). Речи таких персонажей свойственны косноязычие, неразборчивость, повторяемость однотипных звуков, удвоение реплик, непонятность, загадочность, иносказательность, искажение привычных форм, ритмизация, рифмованность. Домовой, согласно поверьям, имеет угрюмый и сердитый нрав, часто бубнит, ворчит. Этот факт народной культуры объясняет появление переносного значения у слов *му́ма* и *бука*.

Бурят. *му́ма* 'молчаливый, нелюдимый человек' (*Сидит, молчит, как букушка, му́ма*) [25, т. 2, с. 302], брян. *му́ма* 'застенчивый, нелюдимый человек' (*Усе баисся, николи слова не прамовиш – му́ма ты такая*) [17, с. 162], пск. *как мэмма* 'робкий, молчаливый человек' (*Петька Федотоф как мумма*) [16, вып. 19, с. 52], несомненно, имеют звукоподражательную основу [35, вып. 20, с. 188], ср. смол. *мум* 'обозначает глухое ворчанье' (*Что ты там себе мум под нос?*) [28, вып. 18, с. 344]. Сравнительные конструкции в словарных иллюстрациях свидетельствуют о том, что носитель языка видит сходство между нелюдимом и мифическим персонажем, имеющим то же название: брян. *му́ма* 'воображаемое мрачное существо, которым пугали детей' (*Не плач, а то му́ма возьме*) [17, с. 162],

смол. *му́ма* 'страшное существо, которым пугают детей' (*А ну брось балувацца: вун му́ма идеть*) [30, вып. 11, с. 257], смол. *му́мка* 'то же' (*Во му́мка учуить, што ты плачиш, и зьбиреть*) [там же, вып. 6, с. 117].

Семантические связи такого рода можно наблюдать в гнезде глагола **bukati*, также имеющего звукоподражательное происхождение [35, вып. 3, с. 87]. Простореч. *бу́ка* 'угрюмый человек, нелюдим' [31, т. 1, с. 675], ярosl., новг. *бу́ка* 'несмелый человек' (*Такой бука! – не смеет и слова сказать в людях-то*) и сиб. *бука́н* 'нелюдимый, угрюмый человек; бука' (*Сват мой всё, как бука́н, молчит*), новг. *бу́корь* 'застенчивый' и твер. *буко́ня* и пск., твер. *буко́ня* 'неразговорчивый, необщительный человек; нелюдим' [28, вып. 3, с. 262, 266] вторичны по отношению к обозначениям нечистого, ср. устар. *бу́ка* 'сказочное страшилище, которым прежде пугали детей' [31, т. 1, с. 675], новг. *бу́ка* 'черт' и 'мифическое существо вообще', твер., влад., барнаул. *бука́н* 'сказочное страшилище, которым обычно пугают детей, бука' и сиб. *бука́н* 'нечистая сила' [28, вып. 3, с. 262], и далее опосредованно связаны со звукоподражательным *бу-*. Мотивационные модели «домовой > нелюдим» и «ворчун > нелюдим» имеют, таким образом, область семантических пересечений по признаку 'речевое проявление'.

Итак, запечатленными в лексическом материале критериями общительности/необщительности закономерно являются речевая активность (высокая либо низкая) и устойчивое эмоциональное состояние с определенным неизменным настроением (позитивным либо негативным) по отношению к любым контактам с людьми. В ходе создания номинаций носитель русского языка обращается к возможностям звукоизобразительных основ (*мырнуть, кырить, мамонить, момотать, букать*), к глаголам говорения (*баять, бахорить, говорить, приветить*), к глаголам, передающим отсутствие звучания (*молчать*), к обозначению органов, составляющих речевой аппарат человека (*губы*).

Кроме того, эксплицируются представления о том, что необщительность – результат негативного магического воздействия,

по-видимому, сопряженного с произнесением словесных формул. Они отражены в олон. *оббáйти* ‘в суеверных представлениях – сглазить оговором, осуждением’ (*По народному поверью, осуждение иногда равносильно порче, сглазу. Признаком того, что человека оббáили, считается недомогание, бессонница, человек худеет, становится хмурым, необщительным*) [28, вып. 21, с. 353]. Необщительность предстает здесь как особое эмоциональное состояние, для которого характерно снижение речевой активности и отдаление от общества людей, вызванное заговором.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Исследование выполнено при поддержке госконтракта 14.740.11.0229 в рамках реализации ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» (тема «Современная русская деревня в социо- и этнолингвистическом освещении»).

² От праслав. **větiti*, ср. *навет*, *наветить* [35, вып. 23, с. 229]. М. Фасмер сопоставляет с корнями в лит. *vaitenù* ‘сужу, обсуждаю, полагаю’, др.-прусск. *waitiātai* ‘мы говорим’, *waitiāt* ‘говорить’, авест. *vaēθ-* ‘установить судебным следствием’ и др. [34, т. I, с. 305].

³ В качестве третьей версии можно было бы выдвинуть предположение о том, что слово *бутаим* является приставочно-суффиксальным образованием, однокоренным с *тайть(ся)*, *тайна*. Ср. структурно близкие существительные: *нелюдим*, *подхалим*, *отчим*, *побратим*. Эта версия привлекательна в том смысле, что семантика скрытности соотносима с образом нелюдимого, замкнутого человека. Суффиксальные образования с тем же корнем широко представлены в русских народных говорах: *тауба* ‘тайна’ [32, т. III, с. 912], волог. *таем* ‘тайно, тайком’ [8], *таилице* ‘потайное место, тайник’ [32, т. III, с. 913], новг. *таймный* ‘скрытый’ [10, т. 11, с. 21], *таймник* и *таймница* ‘кто таймничает’ [6, т. 4, с. 396]. Однако слово *таим* не зафиксировано в качестве субстантива, обозначающего человека, что делает версию ненадежной.

⁴ Кроме представленного в русских народных говорах значения ‘нелюдим’, слова с корнем *мымр-* имеют в русском языке ряд других значений, объединенных высокой степенью экспрессии, что характерно для звукоподражательных основ. Ср. диал. *му́мря*, *мы́мря* ‘вялый зевака, ротозей’ [6, т. II, с. 359], простореч. *мы́мра* ‘о не-

сообразительном, глупом, вялом человеке’ [31, т. 6, с. 1417], появившиеся на базе значения ‘жевать’, поскольку в нем выделяется сема низкой интенсивности действия: вост. *му́млить*, *му́мрить*, *мы́мрить* ‘сосать, мочкать, чавкать, жевать, как беззубый; мулындать, вяло и долго жевать’ и ‘говорить вяло или нечисто, шамкать, как беззубый’ [6, т. II, с. 359], волог. *му́мрить* и *му́млять* ‘есть тихо, медленно, не торопясь’ [21, с. 262], ср. новг. *мы́мрить* ‘делать что-либо медленно’ [10, т. 5, с. 115]. Закономерно привлечение экспрессива и к выражению семантики болезненности, худобы: новг. *мы́мрик* ‘слабый, истощенный человек или животное’ [10, т. 5, с. 115], урал. *му́мрыш* ‘заморыш (о человеке или животном)’ (*Маленький растет теленок, не поправляется, мумрыш, ребёнок маленький тоже*) [27, с. 310], тул. *мы́мра* ‘очень худой, тщедушный человек’ [28, вып. 19, с. 57], вят. *мо́рмыш* ‘о невзрачном, низкорослом человеке’ [28, вып. 18, с. 268]. Возможно, здесь имеет место аттракция с *заморить*, *уморить*, *заморыш*. Кроме того, осуждение в народной культуре получает невнимание к одежде, поскольку это признак нарушения сложившихся норм и небрежность по отношению к соблюдению «статуса» хозяйки дома, замужней женщины: рост. *мы́мря* ‘о грязном, нечистоплотном человеке’ (*От мы́мря сасетка, сроду в грязном платти*) [3, с. 292], новосиб. *мы́мря* ‘неряха, грязнуля’ (*А она, мы́мря, в драной кофточке на миру появилась, страмовка*) [25, т. 2, с. 307] и др. Наконец, слово *мы́мра* известно русскому языку в качестве обозначения некрасивой женщины: смол., влад., калуж., тул., пенз., иван.-вознес. *мы́мра* ‘некрасивый, страхолюдный человек (обычно о женщине)’ (*Мы́мрой и выглядит-то*) [28, вып. 19, с. 57].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Безносикова, Л. М. Коми-русский словарь / Л. М. Безносикова, Е. А. Айбабина, Р. И. Коснырева. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 2000. – 812 с.
2. Болгарско-русский словарь / сост. С. Б. Бернштейн. – М.: Гос. изд-во ин. и нац. слов., 1953. – 888 с.
3. Большой толковый словарь донского казачества / Рост. гос. ун-т, Фак. филол. и журналистики, Каф. общ. и сравнит. языкозн. – М.: Рус. слов.: Астрель: Изд-во АСТ, 2003. – 608 с.
4. Виноградова, Л. Н. Звуковой портрет нечистой силы / Л. Н. Виноградова // Мир звучащий и молчащий: Семиотика звука и речи в традиционной культуре славян: сб. ст. / отв. ред. С. М. Толстая. – М.: Индрик, 1999. – С. 179–199.

5. Гринченко, Б. Д. Словарь украинского языка : в 4 т. / Б. Д. Гринченко. – Репринт с изд. : Київ, 1907–1909. – Київ : Друкарня видавництва АН УРСР, 1958–1959.
6. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. / В. И. Даль. – Репринт с изд. : М., 1880–1882. – М. : Рус. яз., 1981–1982.
7. Дополнение к Опытному областного великорусского словаря. – СПб. : Тип. Императ. акад. наук, 1858. – 328 с.
8. Картотека Словаря говоров Русского Севера (хранится на кафедре русского языка и общего языкознания Уральского государственного университета им. А. М. Горького).
9. Куликовский, Г. И. Словарь областного олонечского наречия в его бытовом и этнографическом применении / Г. И. Куликовский. – СПб. : Тип. Императ. акад. наук, 1898. – 151 с.
10. Новгородский областной словарь : в 13 т. / отв. ред. В. П. Строгова. – Новгород : Изд-во Новгород. гос. пед. ин-та, 1992–2000.
11. Носович, И. И. Словарь белорусского наречия. В 2 т. / И. И. Носович. – СПб. : Тип. Императ. Акад. Наук, 1870.
12. Опыт словаря говоров Калининской области / Т. В. Кириллова [и др.] ; под ред. Г. Г. Мельниченко. – Калинин : Обл. тип. г. Калинин, 1972. – 313 с.
13. Пашенко, В. А. Материалы к словарю фразеологизмов и иных устойчивых сочетаний Читинской области / В. А. Пашенко. – Чита : Изд-во ЗабГПУ, 1999. – 166 с.
14. Петлева, И. П. Архаические префиксы в русских говорах / И. П. Петлева // Этимологические исследования : материалы I–II науч. совещаний по рус. диалект. этимологии. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 1996. – Вып. 6. – С. 31–38.
15. Петлева, И. П. Еще раз к вопросу о русских диалектных словах с вставным элементом *-то-* (*//та-//ту-*) / И. П. Петлева // Этимологические исследования : сб. науч. тр. Вып. 8 / под ред. Е. Л. Березович. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2003. – С. 32–37.
16. Псковский областной словарь с историческими данными. – Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1967–2008. – Вып. 1–20.
17. Расторгуев, П. А. Словарь народных говоров Западной Брянщины : материалы для истории слов. состава говоров / П. А. Расторгуев ; ред. Е. М. Романович. – Минск : Наука и техника, 1973. – 296 с.
18. Селигер: Материалы по русской диалектологии : словарь / под ред. А. С. Герда. – СПб. : Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2003–2007. – Вып. 1–3.
19. Словарь говоров Русского Севера : в 4 т. / под ред. А. К. Матвеева. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2001–2009.
20. Словарь донских говоров Волгоградской области / авт.-сост. Е. В. Брыкина, Р. И. Кудряшова, В. И. Супрун ; под ред. проф. Р. И. Кудряшовой. – Волгоград : Изд-во ВГИПК РО, 2006–2007. – Вып. 1–3.
21. Словарь областного вологодского наречия. По рукописи П. А. Дилакторского 1902 г. / Ин-т лингв. исслед. РАН ; изд. подгот. А. Н. Левичкин, С. А. Мызников. – СПб. : Наука, 2006. – XV, 677 с.
22. Словарь орловских говоров. – Ярославль : Яросл. гос. пед. ин-т, 1989–1991. – Вып. 1–4 ; Орел : ОГПУ, 1992–2008. – Вып. 5–15.
23. Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей : в 6 вып. / гл. ред. А. С. Герд. – СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1994–2005.
24. Словарь русских говоров Коми-Пермяцкого округа / авт.-сост.: Н. Ю. Копытов, И. А. Подюков, А. В. Черных ; науч. ред. И. А. Подюков. – Пермь : Изд-во ПОНИЦАА, 2006. – 272 с.
25. Словарь русских говоров Сибири : в 5 т. / под ред. А. И. Федорова. – Новосибирск : Наука, 1999–2006.
26. Словарь русских говоров Среднего Урала : в 7 т. – Свердловск : Урал. рабочий, 1964–1987.
27. Словарь русских говоров Среднего Урала : дополнения / под ред. А. К. Матвеева. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 1996. – 580 с.
28. Словарь русских народных говоров. – М. ; Л. : Наука, 1965–2007. – Вып. 1–41.
29. Словарь русского языка : в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. – М. : Рус. яз., 1981–1984.
30. Словарь смоленских говоров / под ред. А. И. Ивановой. – Смоленск : Смолгортипотография Упр. изд-в, полиграфии и кн. торговли Смолблсиполкома, 1974–2005. – Вып. 1–11.
31. Словарь современного русского литературного языка : в 17 т. – М. : Наука ; Л. : Изд-во АН ССР, 1948–1965.
32. Срезневский, И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам : в 3 т. / И. И. Срезневский. – СПб. : Тип. Императ. акад. наук, 1893–1912.
33. Толковый словарь русского языка : в 4 т. / под ред. Д. Н. Ушакова. – М. : Гос. ин-т «Сов. энцикл.» : ОГИЗ : Гос. изд-во ин. и нац. слов., 1935–1940.
34. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. / Макс Фасмер ; пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. – М. : Прогресс, 1986–1987.
35. Этимологический словарь славянских языков : праславянский лексический фонд / отв. ред. акад. О. Н. Трубачев. – М. : Наука, 1974–2009. – Вып. 1–35.
36. Karjalan kielen sanakirja / toim. P. Virtaranta. – Helsinki : Suomalais-ugrilainen Seura, 1968–2005. – Т. 1–5. – (Lexica societatis fenno-ugriae).
37. Слоўнік беларускіх гаворак паўночна-заходняй Беларусі і яе пагранічча. – Мінск : Навука і тэхніка, 1978–1986. – Т. 1–5.

**RUSSIAN FOLK VOCABULARY CHARACTERIZING A PERSON'S
APTITUDE TO CONTACT: COMMUNICATION THROUGH
THE VERBAL BEHAVIOR PRISM**

T.V. Leontyeva

The article dwells on the results of a motivational analysis of designations to a sociable and unsociable person in folk dialects, that demonstrate stable relationship between speech and sociability. Having stated etymological motives the author offers interpretations of some unmotivated words.

Key words: *ethnolinguistics, motivational analysis, Russian folk dialects, sociability, unsociability, verbal behavior.*